

Гитаристъ.

№ 5.

Содержаніе. 1. Мысли о высокомъ значеніи музыки. Э. Гофмана.—2. „Венгерка, или московскіе гитаристы“. Комедія въ 4-хъ дѣйств. П. Н. Меча.—3. Стихотвореніе.—4. Четъ и нечетъ. (Сводъ критическихъ статей и замѣтокъ о строѣ гитары.) — 5. Гитаристъ.

Л. Декавъ. Переводъ съ франц.—6. О гитарѣ. (Изъ переписки съ Ю. М. Штокманомъ.)—7. Списокъ сочиненій, поступившихъ въ ред. журн. „Гитаристъ“ съ 1-го янв. по 1-е марта 1906 г.

Нотныя приложенія. 1. Полонезъ. М. Т. Высокскаго. 2. Duo № 2 (для 2-хъ гитаръ). Ф. Карулли. 3. Ноктюрнъ изъ оп. „Донъ Пасквале“. Ар. Н. Милокова. 4. Романсъ Голубцова „Спой еще“ (для пѣнія съ гитарой). Ар. С. А. Сырцова. 5. Элегія. Муз. Массенэ (для пѣнія съ гитарой). Ар. С. А. Сырцова.

Мысли о высокомъ значеніи музыки.

Э.-Т.-А. Гофмана *).

Нельзя отрицать, что въ послѣднее время, благодаря Бога, вкусъ къ музыкѣ распространяется все больше и больше, такъ что теперь въ нѣкоторомъ родѣ считается признакомъ хорошаго воспитанія учить дѣтей также и музыкѣ, вслѣдствіе чего въ каждомъ домѣ который желаетъ хоть что-нибудь значить, есть фортепіано или гитара. Тамъ и сямъ попадаются еще ненавистники этого несомнѣнно прекраснаго искусства, и цѣль моя заключается именно въ томъ, чтобы дать хорошій урокъ этимъ людямъ.

Цѣль искусства вообще есть не болѣе какъ средство дать человеку пріятное времяпровожденіе и пріятнымъ образомъ отвлечь его отъ серьезныхъ или вѣрнѣе единственныхъ его занятій, т.-е. отъ тѣхъ, которыя доставляютъ ему хлѣбъ и почетъ въ государствѣ, послѣ чего онъ можетъ съ удвоеннымъ вниманіемъ и напряженіемъ вернуться къ настоящей цѣли своего существованія, заключающейся въ томъ, чтобы быть хорошимъ зубчатымъ колесомъ въ государственной мельницѣ, и (оставаясь при той же метафорѣ) снова начинать мотаться и вертѣться. Музыка есть наиболѣе удобное искусство для достиженія этой цѣли. Чтеніе романа или стихотворенія, даже при такомъ удачномъ выборѣ, когда въ немъ не окажется ничего безвкусно-фантастическаго, какъ встрѣчается во многихъ новѣйшихъ книгахъ, и такимъ образомъ оно нисколько не будетъ возбуждать фантазію, эту безспорно худшую и самую убійственную

*) Имя Эрнста-Теодора-Амадея Гофмана уже встрѣчалось читателямъ журнала «Гитаристъ» (см. «Гитара и гитаристъ», гл. X, «Гитаристъ», № 2 за 1904 г.). Литературныя его произведенія содержатъ въ себѣ много интереснаго и остроумнаго о музыкѣ; намѣченныя нами статьи «Мысли о высокомъ значеніи музыки» и «Врагъ музыки» проникнуты безпощадной, язвительной ироніей и юморомъ. В. Р.

часть первороднаго грѣха,—чтеніе, говорю я, имѣетъ ту непріятную сторону, что до нѣкоторой степени вынуждаетъ думать о томъ, что читають, а это прямо противоположно цѣли развлеченія. Чтеніе вслухъ хорошо тѣмъ, что, совершенно отклонивъ отъ него свое вниманіе, можно легко заснуть или погрузиться въ серьезныя мысли, которымъ, согласно духовной діетѣ, соблюдаемой порядочными дѣловыми людьми, слѣдуетъ давать періодическій отдыхъ. Разсматриваніе картины очень недолго длится, такъ какъ, безъ сомнѣнія, интересъ теряется съ той самой минуты, какъ узнаешь, что она должна изображать.

Что же касается до музыки, то только нечестивые ненавистники этого благороднаго искусства могутъ отрицать, что удачное музыкальное произведеніе, т.-е. такое, которое не переходитъ границъ, гдѣ одна пріятная мелодія смѣняетъ другую, не бушуя и не извиваясь глупымъ образомъ въ разныхъ контрапунктическихъ ходахъ и разрѣшеніяхъ, представляетъ собою удивительно удобное развлеченіе, которое совершенно избавляетъ отъ размышленій или же не наводитъ ни на какія серьезныя мысли, а возбуждаетъ веселую смѣну совсѣмъ легкихъ, пріятныхъ думъ, насчетъ которыхъ даже не сознають хорошенько, что собственно онѣ означаютъ. Можно пойти еще дальше и спросить: кому воспрещается даже и во время музыки завязать съ сосѣдомъ разговоръ о разныхъ событіяхъ политическаго и моральнаго міра и достигнуть такимъ пріятнымъ образомъ двойной цѣли? Это можно даже особенно совѣтовать, такъ какъ музыка, какъ можно замѣтить во всѣхъ концертахъ и музыкальныхъ кружкахъ, необыкновенно облегчаетъ разговоръ. Во время паузъ все смолкаетъ, но съ музыкой начинается шумѣть цѣлый потокъ рѣчей и все больше и больше разрастается вмѣстѣ съ звуками. Многія женщины, рѣчь которыхъ ограничивается обыкновенно словами: „да, да“ и „нѣтъ, нѣтъ“, впадаютъ во время музыки въ излишества, которыя, по общему приговору, могли бы быть вредны, но здѣсь бывають положительно полезны, потому что вслѣдствіе этого часто попадается въ ихъ сѣти любовникъ или даже законный мужъ, привлеченный сладостью непривычной рѣчи.

Боже, какъ неизмѣримы выгоды прекрасной музыки! Васъ, нечестивыхъ ненавистниковъ благороднаго искусства, введу я теперь въ домашній кругъ, гдѣ отецъ, утомленный серьезными дневными трудами, въ туфляхъ и халатѣ весело и добродушно покуриваетъ трубку, слушая игру старшаго сына. А милая Рѣзхенъ развѣ не разучила съ своей стороны Дессауэровскаго марша и „Цвѣти, фіалочка моя“ и развѣ не играетъ она такъ прекрасно, что у матери льются свѣтлыя радостныя слезы, орошая чулокъ, который она штопаеть? Развѣ не легъ бы отцу тяжело на сердце полный надеждъ, но ужасный пискъ младшаго отпрыска, если бы звуки милой дѣтской музыки не придавали всему цѣлому тона и такта?

Если же духу твоему совершенно недоступна эта домашняя идиллія, это торжество простыхъ натуръ, то послѣдуй за мной въ этотъ домъ съ ярко освѣщенными зеркальными окнами. Ты входишь въ залу; дымящійся самоваръ образуетъ огненный пунктъ, вокругъ котораго движутся изящные кавалеры и дамы. Карточные столы разставлены, но также взлетаетъ и фортепианная крышка; и здѣсь также музыка служитъ для общаго развлеченія. Само собой разумѣется, что она никому не мѣшаетъ, потому что ее охотно терпятъ даже и карточные игроки, занятые болѣе высокимъ дѣломъ, совмѣщающимъ пользу съ удовольствіемъ.

Что сказать мнѣ, наконецъ, о большихъ концертахъ, дающихъ такой превосходный случай поговорить съ тѣмъ или другимъ пріятелемъ подъ аккомпанементъ музыки? Если вы еще не вышли изъ шаловливаго возраста, то вы можете тутъ же перекинуться нѣжнымъ словечкомъ съ той или другой дамой, для чего можетъ дать подходящую тему даже и музыка. Эти концерты—настоящее мѣсто развлеченія для дѣловыхъ людей и гораздо предпочтительнѣе театра, такъ какъ иногда тамъ даются представленія, непозволительнымъ образомъ направляющія умъ на нѣчто ничтожное и фальшивое, такъ что можно подвергнуться опасности впасть въ поэзію, чего, конечно, долженъ остерегаться всякій, кому дорога его бюргерская честь. Словомъ, какъ я уже сказалъ съ самага начала, явный признакъ того, что теперь признаютъ истинное назначеніе музыки, есть то, что ею такъ прилежно и серьезно занимаются. Какъ цѣлесообразно, что дѣти, если даже у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ искусству, изъ чего еще ничего не слѣдуетъ, тоже приучаются къ музыкѣ, такъ что если они не могутъ непременно участвовать въ обществѣ, то по крайней мѣрѣ могутъ внести свою долю развлеченія.

Одно изъ блестящихъ преимуществъ музыки передъ другими искусствами есть также то, что она въ своемъ чистомъ видѣ (безъ примѣси поэзіи) вліяетъ на нѣжную юность вполне нравственно и ужъ никоимъ образомъ не вредно. Нѣкій директоръ полиціи смѣло заявилъ изобрѣтателю новаго инструмента, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго ни государству, ни религіи, ни добрымъ нравамъ; съ тою же смѣлостью можетъ всякій учитель музыки завѣрить папашу и мамашу, что новая соната не содержитъ въ себѣ ни одной безнравственной мысли. Когда дѣти подрастаютъ, само собой разумѣется, что они могутъ быть избавлены отъ упражненій въ искусствѣ, такъ какъ серьезнымъ мужчинамъ это какъ-то не идетъ, а дамы могли бы легко пренебречь такимъ образомъ высшими общественными обязанностями и т. д. Итакъ, взрослые вкушаютъ наслажденіе музыкой только пассивно, заставляя играть дѣтей или профессиональныхъ артистовъ.

Изъ вѣрно понятаго назначенія искусства вытекаетъ также то, что на артистовъ, т.-е. тѣхъ людей, которые (довольно-таки глупо!)

посвящаютъ всю свою жизнь занятію, служащему только для развлечения и забавы, слѣдуетъ смотрѣть какъ на низшихъ субъектовъ, терпимыхъ только потому, что они позволяютъ смѣшивать полезное съ пріятнымъ. Ни одинъ человѣкъ съ здравымъ умомъ и зрѣлыми понятіями не станетъ такъ высоко цѣнить лучшаго артиста, какъ чиновника или даже честнаго ремесленника, набивавшаго ту подушку, на которой сидитъ въ податной комнатѣ совѣтникъ или купецъ въ конторѣ, такъ какъ здѣсь имѣетъ мѣсто необходимое, а тамъ только пріятное. Поэтому привѣтливое и вѣжливое обращеніе съ артистами есть только слѣдствіе нашей культуры и добродушія, заставляющихъ насъ хорошо обращаться даже съ дѣтьми и другими лицами, занимающимися вздоромъ.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ мечтателей слишкомъ поздно излѣчиваются отъ своего заблужденія и дѣйствительно впадаютъ въ извѣстное безуміе, которое легко можно замѣтить по ихъ сужденіямъ объ искусствѣ. Они думаютъ, что искусство заставляетъ человѣка предчувствовать его высшее назначеніе и, отрывая его отъ пустыхъ дѣлъ обыденной жизни, вводитъ въ храмъ Изиды, гдѣ природа говоритъ съ нимъ священными, не слыханными дотолѣ, но понятными словами. О музыкѣ произносятъ эти безумцы самыя удивительныя сужденія: они называютъ ее самымъ романтическимъ изъ всѣхъ искусствъ, такъ какъ ей доступна область безконечнаго; они называютъ ее таинственнымъ выраженіемъ въ звукахъ, правдивымъ языкомъ природы, наполняющимъ грудь человѣка безконечнымъ стремленіемъ, говоря, что только въ ней понимаетъ онъ возвышенную пѣсню деревьевъ, цвѣтовъ, животныхъ, камней и водъ! Совершенно ненужныя контрапунктическія штуки, которыя не могутъ развеселить слушателя и потому совершенно уклоняются отъ истинной цѣли музыки, называютъ они устрашающими, таинственными комбинаціями и въ состояніи сравнить ихъ съ удивительно сплетающимися мхами, травами и цвѣтами. Талантъ, или, выражаясь словами этихъ дураковъ, духъ музыки, горитъ, какъ говорятъ они, въ груди людей, занимающихся искусствомъ и хранящихъ его въ себѣ, и пожираетъ ихъ неугасимымъ огнемъ, если болѣе пошлый принципъ пожелаетъ искусственно переработать или отклонить эту искру.

Тѣхъ же, кто, какъ показалъ я сначала, вполне вѣрно рассуждаетъ объ истинномъ назначеніи искусства и въ особенности музыки, называютъ они дерзкими невѣждами, передъ которыми будетъ вѣчно закрыто святилище высшей жизни, и этимъ доказываютъ свою глупость, потому что, спрашивается, кто же лучше: чиновникъ, купецъ, живущій на свои деньги, который хорошо ѣстъ, пьетъ и катается въ экипажахъ, возбуждая всеобщее благоговѣніе, или художникъ, который долженъ несчастнымъ образомъ держаться въ своемъ фантастическомъ мірѣ? Но эти дураки утверждаютъ, что

поэтическое пареніе надъ толпой есть нѣчто совѣмъ особенное, такъ что, наслаждаясь, можно обойтись безъ многихъ излишествъ; поэтому короли въ соломенныхъ коронахъ, сидящіе въ сумасшедшемъ домѣ, тоже счастливы!

Лучшее доказательство того, что всѣ эти разглагольствованія ничего въ себѣ не заключаютъ и только успокаиваютъ совѣсть, упрекающую насъ, если мы не стремились ни къ чему солидному, это то, что почти нѣтъ артистовъ, которые дѣлались таковыми по свободному выбору, всѣ они выходили и теперь еще выходятъ изъ бѣдныхъ классовъ. Они рождаются у недостаточныхъ, темныхъ родителей; нужда, случай и отсутствіе понятій о счастіи дѣйствительно полезныхъ классовъ дѣлаютъ ихъ тѣмъ, что изъ нихъ выходитъ. Это всегда будетъ такъ на зло этимъ фантазерамъ. Если достаточная семья высокаго сословія будетъ настолько несчастна, что въ ней родится ребенокъ, особенно приноровленный къ искусству, или, по смѣшному выраженію этихъ сумасшедшихъ, носящій въ своемъ сердцѣ божественную искру, которая мститъ за себя, истребляя при сопротивленіи; если онъ въ своихъ фантазіяхъ дѣйствительно обратится къ искусству и къ артистической жизни, то хорошій воспитатель посредствомъ разумной духовной діеты, какъ-то: полного устраненія всего фантастическаго и возбуждающаго (поэзіи и такъ называемыхъ сильныхъ сочиненій въ родѣ Моцарта, Бетховена и т. д.), а также посредствомъ усердно повторяемаго правила о вполнѣ подчиненной роли всякаго искусства и зависимомъ положеніи артистовъ—безъ всякихъ чиновъ, титуловъ и богатства—очень легко можетъ вывести заблуждающагося молодого субъекта на настоящую дорогу, такъ что въ концѣ-концовъ возбудитъ въ немъ справедливое презрѣніе къ искусству и артистамъ, которое, служа лучшимъ лѣкарствомъ противъ всякой эксцентричности, никогда не можетъ быть слишкомъ далеко заведено.

Я полагаю, что тѣмъ бѣднымъ артистамъ, которые еще не впали въ вышеописанное безуміе, невредно будетъ, если я посовѣтую имъ, для того, чтобы хоть немного уклониться отъ ихъ безцѣльныхъ тенденцій, изучить хоть какое-нибудь легкое ремесло; тогда они будутъ хотя кое-что значить, какъ полезные члены государства. Одинъ знатокъ сказалъ мнѣ, что мои руки хорошо приспособлены для дѣланія туплей, и я не отказался отъ того, чтобы въ видѣ прототипа поступить въ ученіе къ здѣшнему тупельному мастеру Шнаблеру, который къ тому же мой крестный отецъ.

Перечтя то, что я написалъ, я нахожу, что довольно мѣтко описалъ безуміе многихъ музыкантовъ, и съ ужасомъ чувствую, что они мнѣ сродни. Чортъ шепчетъ мнѣ въ ухо, что многое, такъ красно-рѣчиво сказанное мною, можетъ показаться нечестивой ироніей, но только я завѣряю еще разъ: противъ васъ, презирающіе музыку, называющіе ненужнымъ вздоромъ поучительное пѣніе и игру дѣтей

и желающіе слушать только музыку избранныхъ, какъ какое-то таинственное возвышенное искусство, да, противъ васъ были направлены мои слова; съ серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ доказывалъ я вамъ, что музыка есть превосходное, полезное изобрѣтеніе умнаго Тувалкаина*), которое веселитъ и развлекаетъ людей и пріятнымъ и мирнымъ образомъ способствуетъ домашнему счастью, которое есть самая возвышенная цѣль всякаго культурнаго человѣка.

ВЕНГЕРКА,

или

МОСКОВСКІЕ ГИТАРИСТЫ.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

П. Н. Меча.

(Продолженіе.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ же и Наташа.

Наташа (*входитъ къ Крупицыну*). О чемъ у васъ такіе жаркіе споры?

Крупицынъ. Такъ. Изъ пустого въ порожнее.

Наташа (*садится рядомъ съ Крупицынымъ, Бобриковъ и Цыгановъ уходятъ*). А вы что-то, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ веселы?

Крупицынъ. Я завидую тѣмъ, которые веселы.

Наташа. Завидовать по-моему грѣшно. Что же мѣшаетъ вамъ быть веселымъ?

Крупицынъ. Веселость можетъ быть только у счастливецевъ, а мнѣ, вѣрно, суждено вѣчно кручиниться.

Наташа. Отчего же такъ? Скажите яснѣе!

Крупицынъ (*къ зрителямъ*). Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, я непонятенъ. Меня спрашиваютъ, отчего я невеселъ, а я отвѣчаю: оттого, что грустенъ. (*Къ Наташѣ*.) Скажу вамъ яснѣе: оттого, что всѣ мои мысли заняты однимъ предметомъ. На этотъ предметъ устремлено все мое вниманіе.

Наташа. Этотъ предметъ, безъ сомнѣнія, ваша служба?

Крупицынъ. Будто вы не знаете?

Наташа. Странно! Почему же я должна знать?

*) Упоминаемый въ Библии изобрѣтатель орудій изъ мѣди и желѣза.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ же и Сурдининъ.

Сурдининъ (*входитъ и садится рядомъ*). О чемъ у васъ рѣчь?

Наташа. Да вотъ я добиваюсь отъ господина Крупицына, о чемъ онъ груститъ.

Сурдининъ. Я вамъ за него объясню: онъ влюбленъ, какъ говорится, по уши.

Наташа. Это я знаю. Но въ кого же вы влюблены?

Крупицынъ. Это моя тайна.

Наташа. Зачѣмъ же вы страдаете? Объяснитесь съ предметомъ вашей страсти, и тогда вамъ будетъ легче.

Крупицынъ. О, если бы это объясненіе обѣщало хорошее!

Наташа. Почему же не такъ?

Сурдининъ. Онъ знаетъ навѣрное, что ему не видать свѣчи вѣнчальной. (*Смѣется.*)

Наташа. Зачѣмъ предаваться отчаянію, лучше питать въ себѣ надежду.

Крупицынъ. Надежду! О, если бы такъ! (*Вздыхая, уходитъ.*)

Сурдининъ. А вѣдь влюбиться—ужасное дѣло!

Наташа. По-моему не дѣло, а безуміе!

Сурдининъ. Значить, всякій, кто влюблялся, безумствовалъ?

Наташа. Почти что такъ.

Сурдининъ. Почти, а почему?

Наташа. Потому что любить надо съ благоразуміемъ.

Сурдининъ. Это будетъ уже не любовь.

Наташа. А что же?

Сурдининъ. Расчетъ, дружба, что-то въ родѣ этого.

Наташа. По-моему можно любить, но не слѣдуетъ расширять границъ этой любви до безумія. Если бы я кого полюбила, я бы любила тихо, безъ всякой тревоги, безъ всякой страсти, но зато прочно, неизмѣнно. Всякая страстная, пылкая любовь скоро охладѣваетъ.

Сурдининъ. Такая любовь прозаическая.

Наташа. Зачѣмъ желать другой любви, когда эта именно любовь достаточна для сердца и производитъ на душу отрадное впечатлѣніе готовностью покориться року, если случится неизбѣжное препятствіе.

Сурдининъ (*смотритъ на нее внимательно, какъ бы желая прочесть, не съ црлью ли она говоритъ такъ*). Неизбѣжное препятствіе... А какое по вашему мнѣнію?

Наташа. Не знаю. Я говорю вообще, что лучше всегда быть готовой или готовымъ на невыполненіе желаній, нежели оставаться въ увѣренности исполненія. Тогда легче будетъ перенести ударъ и, покорившись волѣ Божіей, принять другое направленіе.

Сурдининъ. Благоговѣю передъ вашими сужденіями, передъ вашимъ благоразуміемъ и откровенностью вашего сердца.

Наташа. За что вы меня хвалите? Вамъ бы слѣдовало быть недовольнымъ мною.

Сурдининъ. За что же?

Наташа. А за то, что еще доселѣ не могу исполнить вашу просьбу насчетъ Венгерки.

Сурдининъ. Мнѣ бы только списать. Гдѣ вашъ дядюшка хранить ее?

Наташа. Запираетъ въ сундукъ или въ комодъ, а ключи носить съ собой. Ничего невозможно сдѣлать. Да я бы, конечно, и не рѣшилась тайно, безъ вѣдома его передать вамъ. *(Оба уходятъ въ другую комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Цыгановъ и Кошедарова.

Кошедарова *(входитъ. За нею Цыгановъ).* Comme il fait chaud!

Цыгановъ. Certainement! Оттого что здѣсь были сейчасъ влюбленные! *(Садятся.)*

Кошедарова. Peut-être. По моему мнѣнію, monsieur Сурдининъ способенъ увлекаться!

Цыгановъ. Il me semble, что онъ добивается только Венгерки.

Кошедарова. Sans doute. Онъ очень хорошо знаетъ, что эта Natalie его не стоитъ. Что въ ней! Недостаточно имѣть красивое личико и увертливый станъ. Надобно, чтобы въ этомъ личикѣ была поэзія, чтобы въ этомъ станѣ была грація, чтобы въ глазахъ было небо, чтобы взоръ такъ и выражалъ страсть, огонь... *(Старается это выразить.)* Не правда ли?

Цыгановъ. Вполнѣ согласенъ, особенно видя передъ собой образецъ этой поэтической красоты.

Кошедарова. Вы говорите отъ души?

Цыгановъ. Какъ и всегда.

Кошедарова. А образованіе! Развѣ безъ него дѣвушка можетъ имѣть истинную прелесть? Natalie нигдѣ не училась и сознается въ томъ, что читаетъ только „Ниву“, шьетъ платья, ходитъ по церквамъ и занимается хозяйствомъ, то-есть цѣлый день проводитъ въ грязной работѣ. Не повѣрите, какъ мнѣ было неприятно выслушивать ея образъ жизни, мнѣ, эмансипированной дѣвицѣ, выпущенной изъ пансіона. Вы видите, что я здѣсь не въ своемъ кругу, исключая васъ.

Цыгановъ. Я тоже здѣсь поневолѣ: пригласили.

Кошедарова. При моемъ образованіи я не иначе вышла бы замужъ, какъ за человѣка свѣтскаго, цивилизованнаго. Тогда мой мужъ былъ бы вполнѣ счастливъ. Я окружила бы его проблематическою обстановкой, гуляла бы съ нимъ тентентнымъ и вальжж-

нымъ шагомъ подъ руку на аристократическомъ бульварѣ, одѣтая по послѣдней модѣ и ведя пикантный разговоръ по-французски. При насъ была бы на шнуркѣ крошечная собачка съ современною кличкой, напримѣръ: Сара-Бернаръ, Жеромъ, Наполеонъ и т. под. Домашній нашъ бытъ былъ бы нестѣснителенъ, съ полною для каждаго свободой. Хозяйствомъ завѣдывала бы экономка, непремѣнно француженка.

Цыгановъ. Завидую счастью того, кто будетъ вашимъ супругомъ.

Кошедарова. Sérieusement? Я не такая бѣдная дѣвушка, какъ Natalie. Мои средства такъ хороши, что я могу жить безъ всякой нужды. А любить, любить... никто такъ не сумѣетъ, какъ я, при моемъ вулканическомъ сердцѣ и позитивномъ характерѣ.

Цыгановъ. Мнѣ крайне досадно, что есть уже человѣкъ, достойный васъ, который и спитъ, и видитъ...

Кошедарова. Это monsieur Сурдининъ?

Цыгановъ. Именно такъ.

Кошедарова. Я въ этомъ увѣрена и знаю очень хорошо, что Natalie не сумѣетъ увлечь его въ свои сѣти.

Цыгановъ. Если и увлечетъ, то ничего нѣтъ легче, какъ своротить его съ этой дороги.

Кошедарова. Я знаю, что вы обладаете тайной Макиавеллизма, секретомъ дѣлать все по-вашему. И en vérité pour mademoiselle Natalie всего лучше выйти за monsieur Крупицына. Я желала бы устроить ея счастье.

Цыгановъ. Начнемъ дѣйствовать. Положитесь на меня. Хотя я бѣденъ, ничего за душою, зато здѣсь (*колотитъ въ грудь рукой*), здѣсь благородное сердце, честь, совѣсть... Можете узнать обо мнѣ отъ князя Темиръ-ханъ-Шурина и отъ графа Стерлитамакса. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Поляковъ и Полякова (*выходятъ на опустѣвшую авансцену*).

Поляковъ. Я замѣчаю, что Сурдининъ неравнодушенъ къ Наташѣ.

Полякова. Къ ней неравнодушенъ также и Крупицынъ.

Поляковъ. По-твоему кто же изъ нихъ лучше?

Полякова. Конечно, Крупицынъ. Онъ на казенной службѣ, чиновникъ, получаетъ жалованье, обезпеченъ.

Поляковъ. А по-моему Сурдининъ, какъ хорошій гитаристъ. А на гитаристахъ, какъ говаривалъ вѣчной и блаженной памяти (*крестится*) Перепелицынъ, на гитаристахъ только и держится государство. А Крупицынъ—какой-то неряха, смотритъ исподлобья, безъ всякихъ музыкальныхъ способностей и артистомъ никогда не будетъ.

Полякова. Сурдининъ, какъ мнѣ кажется, добивается только того, чтобы получить Венгерку. Позволь ему списать, и тогда увидимъ, гдѣ предѣль его желаніямъ.

Поляковъ. Сохрани Боже! Никому, ни отцу родному!

Полякова. Такимъ упрямствомъ ты можешь отклонить Сурдинина.

Поляковъ. Пусть Крупицынъ женится на Наташѣ, а Венгерки никому, ни Сурдинину, ни Крупицыну, не дамъ и понюхать.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Въ сосѣдней комнатѣ сквозь растворенную дверь виденъ накрытый и сервированный столъ. На сцену входятъ: Наташа, Сурдининъ и другіе гости постепенно. Поляковъ и Полякова.

Поляковъ. Дорогіе гости! Просимъ пожаловать къ столу! *(Полякова беретъ подъ руку Кошедарову. За ними всѣ другіе уходятъ.)*

(Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

На берегу моря.

*
*
*

Догораеѣ заря надъ рѣкою,
Гаснетъ тихо сіяніе дня.
Я одинъ. За сосѣдней стѣною
Словно плачетъ гитара, звеня.

И плывутъ и колеблются звуки,
О быломъ навѣвая мечты.

Изъ сѣдого тумана разлуки
Вызывая родныя черты!

И, склонившись въ тиши безмятежной,
Снова вижу я юности сонъ,
Слышу голосъ твой ласковый, нѣжный
Подъ гитары серебряный звонъ.

Мѣсяць ласково смотритъ сквозь сѣтку
Задремавшихъ надъ нами вѣтвей,
А вдали, надъ рѣкою, на вѣткѣ
Вторитъ пѣснѣ твоей соловей...

Сонъ исчезъ... За сосѣдней стѣною
Замолкаетъ гитара, звеня..
Догорѣла заря надъ рѣкою,
И погасло сіяніе дня.

В. Р.

Четъ и нечетъ.

(Сводъ критическихъ статей и замѣтокъ о строѣ гитары.)

(Продолженіе.)

Далѣе, рассказывая исторію изобрѣтенія семиструнной гитары, которое онъ тоже приписываетъ А. О. Сихрѣ, говорить:

Что это мысль смѣлая и вѣрная и что устроитель новаго инструмента былъ человѣкъ необыкновенный въ своемъ дѣлѣ, тому доказательствомъ служатъ распространеніе его инструмента и охота и легкость, съ которою всякій за него берется. Пусть въ исполненіи слышится иногда только намекъ на то, что въ трехголосномъ аккордѣ явно выражено на фортепиано, пусть въ поразительныхъ сочиненіяхъ Высотекаго и самого Сихры остается желать при исполненіи той щепетильной стороны виртуозности, которую нѣмцы опредѣляютъ словомъ *Fertigkeit* и что выполняетъ нѣсколько сотъ лѣтъ старшая гитара, шестиструнная, своими эффектами, напоминающими мандолину, а выражаясь по-русски *на цитокъ*, что и составляетъ прелесть круглоты ея тона и пассажей,—зато...

Зато полнота и разнообразіе движенія голосовъ въ самостоятельномъ пѣніи каждой струны, роскошь арпеджіатуръ, соединяемая съ самыми плавными и широкими легато, расширение діапазона гаммъ, наконецъ пустой ходъ басовъ, всегда возможный и вызывающій, такъ сказать, на музыкальное размышленіе,—все это...

Все это останется *непобѣдимымъ качествомъ семиструнной гитары передъ эффектами шестиструнной.*

Инструментъ въ высшей степени романтической—гитара—достигъ въ семиструнной формѣ своего полного очарованія; не потому ли онъ такъ и полюбился русскому народу? Не потому ли *такъ особенно и почти исключительно подладилъ онъ подъ русскую пѣсню?*

Итакъ, то, что по мнѣнію г. Штибера есть не что иное, какъ искаженіе, на самомъ дѣлѣ имѣетъ глубокой музыкальный смыслъ, сдѣлавшій въ Россіи гитару любимѣйшимъ и распространеннѣйшимъ инструментомъ.

Но есть еще и другое качество у новаго строя, на которое обращаетъ наше вниманіе другой ученикъ М. Т. Высотскаго—А. А. Вѣтровъ, послѣ своего учителя едва ли не самый даровитый и крупный композиторъ.

Вотъ что пишетъ онъ въ письмѣ своемъ къ М. Н. Лопатину:

Семиструнная гитара — инструментъ, возникшій на почвѣ русской музыки, а потому наиболѣе національный и исключительно русскій, тогда какъ шестиструнная гитара, пришедшая изъ-за границы, возникла на почвѣ испанской и итальянской музыки, а потому инструментъ наиболѣе космополитическій.

И та и другая имѣютъ въ своей литературѣ много замѣчательныхъ произведеній, мастерскихъ переложеній и транскрипцій и какъ у той, такъ и у другой есть произведенія, почерпнутыя изъ поэзіи народныхъ пѣсень. И та и другая гитара имѣютъ также своихъ корифеевъ — композиторовъ и виртуозовъ.

Но отличительнымъ, преобладающимъ направленіемъ семиструнной ги-

тары остается все-таки записываніе и разработка русскихъ пѣсень. Направленіе это ярко выразилось въ замѣчательныхъ произведеніяхъ Сихры, Аксенова и еще ярче въ произведеніяхъ нашего гениальнаго Высотскаго.

Такимъ образомъ М. А. Стаховичъ вполне справедливо видѣлъ успѣхъ русской семиструнной гитары въ ея удивительной способности къ художественной передачѣ русскихъ пѣсень.

Въ литературѣ же шестиструнной гитары, кромѣ транскрипцій и переложеній, преобладающимъ направлениемъ являются почти исключительно виртуозность, фантазіи и варіаціи въ духѣ испанской и итальянской музыки, бывшихъ въ такой модѣ въ первой половинѣ нашего столѣтія.

Да наконецъ произведенія этого рода есть и на семиструнной гитарѣ: кромѣ того, многія лучшія произведенія шестиструнной гитары съ успѣхомъ перенесены на семиструнную; вы также и сами знаете, что при добавочныхъ басахъ воѣ почти пьесы шестиструнной гитары исполняются и на семиструнной.

А это ещѣ тоже цѣнное качество, т.-е. объективность строя нашей гитары.

Намъ кажется, что сказаннаго вполне достаточно, чтобы если ужъ согласиться съ г. Штиберомъ, что новый строй не есть усовершенствованіе, то во всякомъ случаѣ и не *искаженіе*. Именно потому-то такъ и трудно разрѣшеніе вопроса о строѣ съ чисто музыкальной точки зрѣнія, что и тотъ и другой строй имѣютъ свой смыслъ, національную окраску, свои преимущества и недостатки, а главное, самое главное, каждый строй имѣетъ законное право на свое существованіе, на почвѣ народной музыки различныхъ національностей.

Взглянуть на возникновеніе другого строя какъ на *искаженіе*— по меньшей мѣрѣ легкомысліе.

Но г. Штиберъ даетъ себѣ широкую свободу, переходя отъ серьезной постановки вопроса къ различнымъ собственнымъ фантазіямъ и въ заключеніе дѣлая удивительное сравненіе новаго русскаго строя съ различными новшествами невѣжественныхъ игроковъ.

Полюбуйтесь, что пишетъ онъ далѣе:

Если дать широкую свободу фантазіи въ дѣлѣ подобныхъ усовершенствованій, то можно дойти до того, что отъ испанскаго народнаго инструмента гитары останется, пожалуй, только одно названіе. Такъ, одному придетъ въ голову приблизить гитару по арпеджіямъ къ арфѣ, для чего потребуются соотвѣтственное тому измѣненіе строя; у другого явится желаніе уподобить гитару віолончели, т.-е. превратить ее въ смычковый инструментъ, для чего ояты необходимо будетъ ввести совершенно новый, можетъ быть, віолончельный строй, и т. д.

Итакъ, возвращаясь къ очерку г. Русанова, мы должны повторить, что высказанное имъ сожалѣніе объ искаженіи строя семиструнной гитары, допускаемомъ разными современными новаторами, не совсѣмъ-то отвѣчаетъ истинѣ и справедливости, такъ какъ и строй семиструннаго инструмента Сихры, на которомъ игралъ также Высотскій, заключаетъ въ себѣ уже искаженіе настоящаго народнаго строя гитары. Конечно, если сравнить изобрѣтеніе Сихры съ разными искаженіями современныхъ гитаристовъ (какъ-то: перестройка семиструнной гитары, смотря по исполненію пьесы; замѣна семи струнъ шестью на гитарѣ строя Сихры, притомъ съ настроемъ тон-

каго баска ге въ do), то преимущество будетъ несомнѣнно на сторонѣ Сихры, потому что изобрѣтеніе его имѣло дѣлю все-таки усовершенствованіе инструмента, а разныя выдумки нѣкоторыхъ современныхъ гитаристовъ вытекають просто изъ желанія играть на инструментѣ съ набѣга, не затрачивая труда на прохожденіе серьезной школы игры на гитарѣ.

Г. Штиберъ, очевидно, не знаетъ, что попытки уподобить гитару арфѣ, скрипкѣ и виолончели были и на самомъ дѣлѣ, но именно потому-то онѣ и потерпѣли фіаско, что были не только искаженіемъ, но *уничтоженіемъ* гитары, и строй тутъ рѣшительно ни при чемъ.

Откуда же все-таки вытекаетъ такое легкомысленное отношеніе къ русской семиструнной гитарѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ третьей части статьи г. Штибера, въ которой онъ высказываетъ свой взглядъ на русскую народную пѣсню и своеобразное понятіе о назначеніи шестиструнной гитары, о которомъ мы уже упоминали.

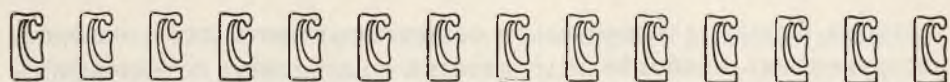
III.

Г. Русановъ, говоря о значеніи Высокскаго въ исторіи музыки, ставитъ ему въ особую заслугу переложенія его для гитары русскихъ народныхъ пѣсень. По этому поводу мы позволимъ себѣ сказать слѣдующее. У всякаго народа существуютъ свои музыкальные инструменты, которые служили ему, начиная съ глубокой древности, для передачи или сопровожденія произведеній его пѣсеннаго творчества. Какъ пѣсни даннаго народа, такъ и служившія для музыкальной передачи ихъ орудія тѣсно связаны между собой, а равно съ исторіей, міровоззрѣніемъ, бытовыми условіями, наконецъ съ духомъ того же народа. Поэтому вырвать инструментъ у одного народа и сдѣлать его орудіемъ для передачи произведеній пѣсеннаго творчества другого, даже совершенно чуждаго первому народу, все равно, что смѣшать масло съ водой. Гитара, какъ уже было сказано, старинный музыкальный инструментъ испанскаго народа, а поэтому она можетъ и должна служить главнымъ образомъ какъ орудіе для воспроизведенія въ звукахъ памятниковъ музыкальнаго творчества этого народа. Для болѣе рельефной передачи русскихъ пѣсень имѣлись и имѣются свои спеціальныя инструменты, созданныя нашимъ народомъ, какъ, напр., гусли, балалайка и др.

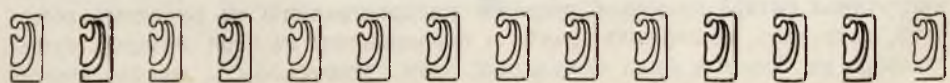
Прежде всего такое разграниченіе инструментовъ въ роли выразителей народной музыки намъ кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Согласно взгляда г. Штибера на этотъ предметъ, съ исчезновеніемъ съ лица земли того или другого народнаго инструмента исчезаютъ и орудія для передачи народныхъ старинныхъ пѣсень. Такъ, съ исчезновеніемъ на Руси гуслей, домры и балалайки, по видимому, должны исчезнуть и прелестныя старинныя русскія пѣсни. Прежде всего г. Штиберъ долженъ вспомнить, что почти всѣ русскія пѣсни не игрались, а пѣлись съ сопровожденіемъ аккомпанемента на *щипковыхъ* инструментахъ—гусяхъ, балалайкѣ и т. п.

Съ исчезновеніемъ этихъ инструментовъ, вытѣсненныхъ въ народѣ гармоникой, остались арфа и гитара.

Если бы г. Штиберъ задалъ себѣ вопросъ, какимъ же замѣнить ихъ другимъ щипковымъ инструментомъ, онъ бы подошелъ къ разрѣшенію этого вопроса очень краткимъ и прямымъ путемъ: арфа не

Г и т а р и с т к а .

доступна народу, слѣдовательно остается замѣнить ихъ... гитарой, инструментомъ, наиболѣе родственнымъ по *характеру* исчезнувшимъ *ципковымъ* народнымъ инструментамъ.

Но, взявъ гитару, народъ *приспособилъ* ее, и въ результатѣ явились прибавленіе седьмой струны и новый строй.

Выполнилъ ли эту задачу кто-нибудь тамъ, въ глубинѣ народа, или чехъ А. О. Сихра—это все равно: новый строй былъ подхваченъ русскими людьми и сдѣлался *исключительно* русскимъ строемъ, а гитара, въ отличіе отъ испанской, стала называться *русской*.

Русскіе гитаристы съ любовью принялись за записываніе и разработку русскихъ пѣсенъ, и въ этомъ ихъ огромная заслуга передъ русской музыкой. И выдающіеся русскіе писатели, занимавшіеся этимъ вопросомъ, вполне справедливо отнесли семиструнную гитару къ русскимъ народнымъ инструментамъ.

Не такъ смотритъ на дѣло г. Штиберъ, обрекшій шестиструнную гитару на исполненіе исключительно испанскихъ пѣсенъ.

Поэтому ставить въ особую заслугу русскимъ гитаристамъ, занимавшимся или занимающимся главнымъ образомъ переложеніемъ для гитары, а также исполненіемъ на ней русскихъ народныхъ пѣсенъ, едва ли, по нашему мнѣнію, основательно. Мы крайне удивляемся тому, что такія лица, какъ Стаховичъ (знатокъ, собиратель и издатель русскихъ народныхъ пѣсенъ) и Ап. Григорьевъ, понимавшій эти пѣсни (о чемъ свидѣтельствуеетъ его статья „Русскія народныя пѣсни“), могли—первый считать семиструнную гитару исключительно русскимъ инструментомъ, а второй даже называть ее „вѣковымъ инструментомъ русскаго народа“. Да наконецъ г. Русановъ, высказавшій въ своемъ очеркѣ нѣсколько вѣрныхъ мыслей объ особенностяхъ и значеніи русской народной пѣсни, казалось бы, не долженъ былъ считать семиструнную гитару инструментомъ, способнымъ къ художественной передачѣ русской пѣсни. Самъ Сихра, этотъ патріархъ и родоначальникъ всѣхъ игроковъ на семиструнной гитарѣ, едва ли имѣлъ въ мысляхъ, преобразя шестиструнную гитару въ семиструнную, приспособить ее главнымъ образомъ къ передачѣ русской народной пѣсни, иначе говоря, сдѣлать ее преимущественно русскимъ инструментомъ. Напротивъ того, онъ, какъ мы уже знаемъ, старался приблизить гитару къ арфѣ, т. е. къ инструменту, совершенно чуждому русскому народу и духу его пѣсенъ.

Если же считать семиструнную гитару русскимъ народнымъ инструментомъ только потому, какъ думаютъ нѣкоторые, что она впервые появилась въ Россіи, что на ней не играли и не играютъ въ Западной Европѣ, что она, наконецъ, приобрѣла широкую популярность въ русскомъ обществѣ, начиная съ высшаго сословія и кончая цыганами, то по поводу такового мнѣнія можно сказать слѣдующее. Хотя семиструнная гитара родилась въ Россіи, но она вышла не изъ русской народной среды, а создателемъ ея былъ Сихра, образованный музыкантъ, воспитанный въ духѣ общеевропейской, строго классической музыки, который едва ли поэтому могъ симпатизировать русскимъ народнымъ пѣснямъ, съ ихъ смѣлыми скачками и модуляциями, мало поддающимся законамъ европейской гармонизации. Не можетъ служить также доказательствомъ правильности приведеннаго мнѣнія и тотъ фактъ, что семиструнная гитара получила широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ, такъ какъ, во-первыхъ, ранѣе и одновременно съ этой гитарой существовала въ Россіи и была популярна, хотя, можетъ быть, менѣе, шести-

струнная гитара, которую ужь едва ли кто признаетъ русскимъ народнымъ инструментомъ; во-вторыхъ, популярность музыкальнаго инструмента въ массахъ еще не можетъ свидѣтельствовать въ пользу того, что онъ народенъ. Для примѣра возьмемъ гармонику. Заимствованная отъ иностранцевъ гармоника вскорѣ послѣ ея появленія въ Россіи распространилась сначала въ городскомъ сословіи, а затѣмъ перешла въ массы сельскаго населенія и въ короткое время сдѣлалась достояніемъ народа, среди котораго она свила себѣ прочное гнѣздо: не найдется, кажется, нынѣ ни одной русской деревни, гдѣ бы не раздавались звуки гармоники. Но несмотря на такую популярность гармоники, едва ли можно считать ее русскимъ народнымъ инструментомъ.

Удивленіе г. Штибера, высказанное по адресу М. А. Стаховича и Ап. Григорьева, вполнѣ естественно объясняется его пониманіемъ, что такое *народность*.

Очевидно, подъ этимъ словомъ онъ разумѣетъ исключительно то, что создается въ темной массѣ народа, т.-е. народъ по его мнѣнію это только то, что темно, невѣжественно и носитъ зипуны и лапти, что-то застывшее, не двигающееся впередъ, а не всѣ русскіе люди, отъ царя до послѣдняго босяка, связанные единою кровью, языкомъ и интересами государственными. Если разсуждать такъ, то ни М. И. Глинка, ни Пушкинъ, ни Фодотовъ—не народные геніи, а такъ нѣчто сверху находящееся, отдѣльно отъ національности.

А между тѣмъ именно потому-то гармоника, на которой играетъ исключительно простой народъ, никогда не была и не будетъ *народнымъ* инструментомъ, а не потому, что происхожденіе ея не русское.

Да и что русское, что не русское въ музыкальныхъ инструментахъ? Гусли? балалайка? Но намъ неизвѣстны ихъ изобрѣтатели и мы не знаемъ даже, дѣйствительно ли эти инструменты возникли въ Россіи, а не заимствованы у сосѣднихъ народовъ; мы знаемъ только, что сначала они были распространеннѣйшими и единственными на Руси, потомъ стали достояніемъ исключительно простаго народа и наконецъ исчезли и въ его средѣ.

Въ этомъ смыслѣ гитара никогда не была и не будетъ народнымъ инструментомъ; ея народность заключается въ томъ, что она доступна богатому и бѣдному, мила какъ образованному, такъ и темному человѣку, т.-е. содержитъ въ себѣ всѣ элементы той истинной народности, которая сливается духовно въ одно цѣлое и нераздѣльное весь народъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гитаристъ.

Люсьена Декавъ.

(Съ французскаго.)

— Приведите его ко мнѣ! — сказалъ частный приставъ, сидя у письменнаго стола и усердно полируя ногти.

Полицейскій вышелъ и тотчасъ вернулся, толкая передъ собой человѣка лѣтъ шестидесяти, несшаго подъ мышкой свою кормилицу-гитару, завернутую въ заплатанный чехоль изъ зеленой выцвѣтшей саржи. Одѣтый въ плохое заштопанное платье, не разъ бывавшее подъ дождемъ, высокій музыкантъ имѣлъ гордое выраженіе лица, орлиный носъ, высокій лобъ, на которомъ морщины легли горизонтальными линіями; его волосатое лицо было покрыто до самыхъ глазъ длинной, сѣдой, спутанной бородой, которую холодный сильный вѣтеръ относилъ въ правую сторону.

При входѣ онъ выпрямился и ждалъ, когда приставъ соблаговолить его допросить. Не поднимая головы и продолжая заниматься своими выхоленными руками, приставъ сказалъ наконецъ:

— Ну-ка, напомните мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ вы арестовали этого человѣка?

— Вотъ какъ было дѣло, ваше высокоблагородіе. Онъ устроилъ скандалъ въ публичномъ мѣстѣ. На бульварѣ Бельвиль у одного торговца углемъ онъ угрожалъ все перебить за то, что ему не позволили пѣть на заднемъ дворѣ. Хозяинъ заведенія, нѣкто Бурже, былъ принужденъ прогнать его отъ себя. Но тотъ продолжалъ шумѣть на тротуарѣ. Болѣе пятидесяти человѣкъ окружало его, когда онъ бранилъ угольщика, честнаго человѣка, уважаемаго во всемъ околоткѣ. Я предложилъ ему уйти; онъ не обратилъ никакого вниманія на мои слова. Тогда я отвелъ его въ участокъ.

Давая послѣднюю отдѣлку своимъ ногтямъ, приставъ спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Эмиль Бломэ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестидесятъ одинъ годъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я странствующій пѣвецъ.

— Значитъ, нищій...

Но бѣднякъ возразилъ горячо:

— Вы ошибаетесь. Я пою, я продаю мои пѣсни... а не прошу милостыни.

— Есть у васъ опредѣленное мѣстожительство?

— Да, въ Менильмонтанѣ... Вы можете навести тамъ справки: меня хорошо знаютъ въ этой части города; я не покидалъ ея въ продолженіе двадцати лѣтъ.

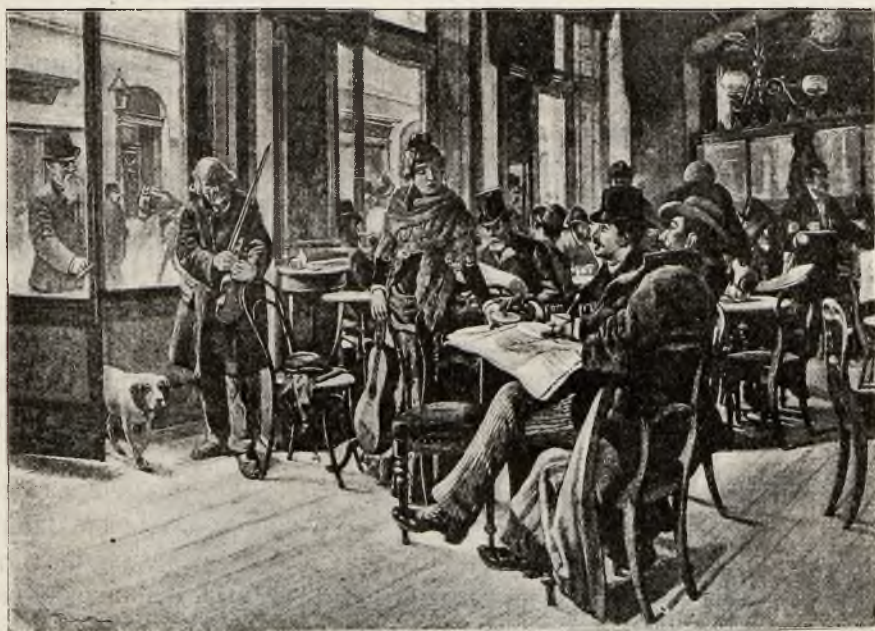
— Почему вы не работаете? — продолжалъ приставъ, усердно

проводя по ногтѣмъ подпилкомъ и, какъ плѣнникъ, мечтая о побѣгѣ.

Ничуть не смущаясь, старикъ отвѣчалъ почти насмѣшливо:

— Таскаться съ дѣтисемъ зимой и лѣтомъ, во всякую погоду—это ли не работа? (Онъ отечески-ласково погладилъ гитару черезъ старую матерію, покрывавшую ее.) Чтобы собрать сорокъ-пятьдесятъ сантимовъ, пѣть съ восьми часовъ утра до полудня—это ли значить не работать? Когда сборъ плохъ, на пустой желудокъ потѣшать пьяную компанію во время завтрака въ кабакахъ или вечеромъ въ пивныхъ—это по-вашему не работа?.. Что жъ въ такомъ случаѣ значить работать?

— Вы должны это знать: не всегда же вы пѣли по дворамъ?

Гитара въ Парижѣ. „На ноты“.

— Нѣтъ; и я говорю объ этомъ именно потому, что могъ сравнить ремесла между собой. Я былъ рабочимъ-механикомъ и, похвалюсь, очень искуснымъ; получалъ хорошее жалованье; имѣлъ жену и дѣвочку-подростка, которыхъ очень любилъ; мы жили въ довольствѣ. Однажды вечеромъ я почувствовалъ головокруженіе, утомившись отъ мелкой работы, которая производилась обыкновенно при газовомъ освѣщеніи и поручалась мнѣ; я пересталъ различать форму предметовъ; все вертѣлось вокругъ меня. Я подумалъ: „Нѣсколько дней отдыха, и все пройдетъ“. Но головокруженіе продолжалось. Я посоветовался съ врачомъ, который отправилъ меня въ клинику, гдѣ мнѣ еще больше испортили зрѣніе; оно ослабѣвало

мало-по-малу, и хоть я не лишился его вполне, однако вотъ ужъ двадцать лѣтъ какъ я не могу заниматься моимъ прежнимъ ремесломъ. Бороться? Повѣрьте, я пытался!.. Я былъ чернорабочимъ; пробовалъ заниматься всѣмъ, что мнѣ не было строго запрещено... Жена моя умерла на работѣ... Состарѣвшійся, вытѣсненный отовсюду, отверженный родными и друзьями, я радъ былъ возможности пустить въ ходъ остатки голоса, который когда-то, въ кругу родныхъ и друзей, находили довольно пріятнымъ.

Частный приставъ оставилъ свои маленькіе инструменты; онъ смотрѣлъ въ лицо старику... И, вѣроятно, впечатлѣніе получилось благопріятное, потому что онъ сказалъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Предположимъ, что разсказъ вашъ правдивъ... Вы слышали донесеніе полицейскаго. Что скажете вы въ защиту себя?

Внезапный гнѣвъ исказилъ лицо старика.

— А! Это другое дѣло! — вскричалъ онъ. — Я давно собираюсь свести счеты съ нимъ, съ моимъ мучителемъ. Его послѣднія требованія перешли всякую мѣру.

— Какія требованія? Объяснитесь...

— Прежде всего, да будетъ вамъ извѣстно, господинъ частный приставъ, что теперь дворы для насъ ужъ не то, что они были лѣтъ десять тому назадъ. Число дворовъ, на которые насъ пускаютъ, уменьшается съ каждымъ днемъ... А кто въ этомъ виноватъ большею частью? Сторожа... Они богатѣютъ, отдавая внаймы музыкантамъ хозяйскіе дворы. Эти сторожевые псы не довольствуются теперь прежней взяткой!.. Одинъ изъ нихъ, Бурже, конура котораго находится на моемъ пути, торгуетъ углемъ и въ то же время состоитъ дворникомъ. Мнѣ приходится проходить черезъ его лавку, чтобы попасть на маленькій дворъ, куда выходятъ окна одного увеселительнаго заведенія. Жилицы его давно меня знаютъ. Онѣ ждуть меня и балуютъ. Это мои лучшія знакомыя. Въ награду онѣ первыя узнаютъ отъ меня всѣ уличныя новости... И я пою имъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не запомнятъ мотива. Это доставляетъ имъ удовольствіе; онѣ ждуть меня съ нетерпѣніемъ. Одинъ разъ, въ четвергъ, я не пришелъ къ нимъ, такъ онѣ послали узнать, что со мной... Я ужъ не говорю о табакѣ, о разныхъ сластяхъ, которыя онѣ бросаютъ мнѣ черезъ окно. Да, я могу сказать, что онѣ меня любятъ!

— Короче сказать...—первалъ приставъ.

— Короче сказать: пропуская меня во дворъ, этотъ негодяй довольствовался до сихъ поръ тѣмъ, что заставлялъ меня платить за бутылку вина, которую мы распивали вмѣстѣ. Но сегодня утромъ пьяница вдругъ повысилъ свои требованія. Онъ желаетъ получать по сорока сантимовъ каждый разъ; хочетъ, должно быть, чтобы я отдавалъ ему половину моего заработка... Онъ такъ взбѣсилъ меня, что я излилъ все, что у меня было на сердцѣ... Если бы полицей-

скіе не подоспѣли, я думаю (онъ показаль на гитару), я разбилъ бы мое дѣтище о его лицо.

— Вы бы совершенно напрасно усугубили тѣмъ вашу вину, — сказалъ приставъ.—Вычеркните лучше этотъ дворъ изъ вашего маршрута. Это будетъ разумнѣе.

Старикъ печально покачалъ головой въ знакъ того, что жертва эта была выше его силъ и средствъ.

— Вычеркнуть... легко сказать!.. Если бы вы знали, ваше высокоблагородіе...

— Если бы я зналъ—что?

— Этотъ Бурже такъ требователенъ потому только, что онъ увѣренъ въ томъ, что я исполню его желаніе. Онъ заставитъ меня наконецъ пѣть даромъ, для одного удовольствія, а получку мою будетъ класть себѣ въ карманъ.

Приставъ, думая, что онъ понялъ старика, посмѣялся надъ его слабостью:

— Въ ваши лѣта вы такъ интересуетесь этимъ домомъ?..

Старикъ-гитаристъ, поколебавшись съ минуту, отвѣтилъ:

— Такъ и быть, вамъ я скажу, въ чемъ дѣло: въ этомъ домѣ живетъ моя дочь!..

Пѣсни старины.

О гитарѣ.

(Изъ переписки съ Ю. М. Штокманомъ.)

(Продолженіе.)

1903 г.

6.

Глубокоуважаемый В. А.!

Прекрасная мысль ваша предпринять изданіе „Гитариста“ безспорно найдетъ полнѣйшее сочувствіе всѣхъ серьезныхъ любителей нашего чуднаго инструмента, и, какъ одинъ изъ таковыхъ, съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ я служить дѣлу по мѣрѣ силъ своихъ. Но можно ли рассчитывать на матеріальное обезпеченіе предпріятія путемъ подписки? Достаточное ли наберется число подписчиковъ для покрытія расходовъ по типографіи? По моимъ наблюденіямъ, у насъ на Руси гитарой занимаются преимущественно люди, лишенные по недостатку средствъ возможности удовлетворять свои музыкальныя потребности инымъ путемъ; эти многочисленные незатѣйливые музыканты даже не подозреваютъ, что они тиранятъ одинъ изъ труднѣйшихъ и благороднѣйшихъ инструментовъ, и не нуждаются ни въ журналѣ, ни въ нотахъ, потому что нотъ не знаютъ, играя исключительно по слуху. Итакъ, рассчитывать можно только на интеллигентныхъ гитаристовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, немного.

Въ Германіи къ предстоящему общему собранію образуется сильная оппозиція съ цѣлью сокращенія сферы господства односторонняго Шеррера; тогда-то „Guitarrefreund“¹⁾ приобрѣтетъ болѣе цѣлесообразное направленіе, что было бы весьма желательно. Одна пьеса Коста, превосходно написанная часть сонаты Бетховена, была задержана Шерреромъ подъ предлогомъ, будто бы классическая музыка для гитары недоступна! Какая дичь! По установившимся въ Мюнхенѣ понятіямъ, гитара годна только для

игры лендлеровъ и пѣсенокъ XVI столѣтія и то исключительно въ аранжировкѣ Шеррера. Чтобы положить конецъ заблужденіямъ мюнхенскихъ самозванцевъ, Шпренцингеръ²⁾ собираетъ голоса и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ довѣренности московскихъ членовъ; даже предсѣдательствующій Гаммереръ²⁾ на сторонѣ оппозиціи. Напишу объ этомъ дѣлѣ Сергѣю Спиридоновичу; съ мюнхенцами такъ или иначе надобно свести счеты для пользы союза: цѣлесообразное дальнѣйшее развитіе союза гитаристовъ можетъ быть достигнуто только сокращеніемъ, въ случаѣ же необходимости даже полнымъ устраненіемъ вліянія ослѣпленныхъ приверженцевъ честолюбиваго мюнхенскаго флейтиста.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я былъ вынужденъ приостановить всякую переписку, чтобы предоставить нѣкоторый отдыхъ сильно разболѣвшимся глазамъ; теперь чувствую незначительное улучшеніе, но общее состояніе здоровья неахтительное: расклеиваюсь на всѣхъ пунктахъ.

А тутъ еще и современная педагогическая служба, равносильная покушенію на самоубійство! Въ классахъ по 60 человекъ; какое тутъ мыслимо занятіе? При желаніи вамъ всего лучшаго остаюсь вамъ всей душой преданный

Ю. Штокманъ.

Курскъ, 18-го сентября.

7.

Глубокоуважаемый В. А.!

Очень, очень вамъ благодаренъ за присланное объявленіе объ изданіи журнала „Гитаристъ“. Мое сотрудничество, конечно, виѣ всякаго сомнѣнія; къ сожалѣнію, для 1-го № у меня ничего не приготовлено. Относительно музыкальныхъ приложений — по моему слѣдовало бы отказываться

1) Журналъ Интернаціональнаго союза гитаристовъ.

1) Основатель И. С. Г.

2) Предсѣдатель И. С. Г.

отъ пьесъ, предназначенныхъ для начинающихъ, и ограничиваться лучше произведеніями извѣстныхъ авторовъ, вовсе не напечатанными или же составляющими рѣдкость; такихъ вещей найдется не малое число въ моей библиотекѣ. Начинающіе гитаристы найдутъ обильный запасъ подходящей музыки въ существующихъ у насъ школахъ. Хороши были бы для приложеній и композиціи, имѣющія историческій интересъ: у меня есть пьесы сочиненія Роберта де Визе, учителя Людовика XIV¹⁾.

Вербовка подписчиковъ — довольно трудное дѣло; знакомые мнѣ семиструнники какъ-то недовѣрчиво смотрятъ на предпріятіе, полагая, что журналъ будетъ посвященъ исключительно интересамъ семиструнной гитары, неизвѣстной внѣ предѣловъ Россіи²⁾.

Въ Курскѣ найдется не болѣе 3 подписчиковъ, въ томъ числѣ и я. Мнѣ же кажется, что „Гитаристъ“ у насъ съ успѣхомъ можетъ замѣнить мюнхенскій органъ, тѣмъ болѣе, что международный союзъ преобразовывается открыто въ кружокъ любителей и начинающихъ, состоящихъ подъ диктатурой придворнаго флейтиста. На послѣднемъ общемъ собраніи члены иностранцы, т.-е. не-мюнхенцы, объявлены безправными, и выборы произведены безъ ихъ участія. Гаммереръ и Шпренцингеръ выбыли; пора бы и намъ раскланяться съ Мюнхеномъ; мы можемъ обойтись и безъ нихъ. По необъяснимой прихоти диктатора задержанная пьеса Коста выйдетъ приложеніемъ къ ближайшему № журнала въ видѣ приманки, какъ пишетъ Шпренцингеръ. Какая не-

последовательность! Досаднѣе всего, что дерзкій мюнхенскій самозванецъ, пользуясь легко пріобрѣтеннымъ среди учениковъ авторитетомъ, всеми средствами старается низвести гитару до степени инструмента, пригоднаго исключительно для аккомпанемента; онъ внушаетъ своимъ недалководиднымъ приверженцамъ нелѣпое убѣжденіе, будто гитарѣ недоступны творенія великихъ музыкальныхъ классиковъ, какъ, напр., Моцарта, Бетховена и другихъ; онъ не допускаетъ даже оперныхъ отрывковъ. Писалъ я цѣлыя статьи въ опроверженіе вкоренившихся въ Мюнхенѣ нелѣпыхъ предупрежденій и, наконецъ, бросилъ бесплодную полемику, вспомнивъ слова Шиллера: „противъ тупоумія безсилны даже боги“. Господь съ ними! Преобладаніе неувѣдущихъ мюнхенцевъ, повидимому, клонится къ концу, и прекрасно! Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія, какъ отнесутся въ Москвѣ къ послѣднимъ продѣлкамъ шерреровскаго стада.

Съ истиннымъ уваженіемъ душевно преданный вамъ

Ю. Штокманъ.

Курскъ, 9-го октября.

8.

Глубокоуважаемый В. А.!

Пользуясь праздничнымъ досугомъ, нахожу возможность настроить вамъ нѣсколько словъ, что для меня въ учебное время довольно затруднительно. Прежде всего начинаю со столь интереснаго для меня и всехъ русскихъ гитаристовъ вопроса: въ какомъ положеніи ваше предпріятіе и будетъ ли у насъ нашъ русскій журналъ? Какъ идетъ подписка?

Почтенные мюнхенцы продолжаютъ свою дѣятельность въ обычномъ стилѣ, съ небольшимъ, впрочемъ, измѣненіемъ, прилагая, вѣроятно взаимно солидной музыки, печатныя обвиненія Шпренцингера, учредителя международного союза; не могу сказать, что это особенно интересно! Гораздо болѣе вниманія заслуживаетъ зарождающійся кружокъ поощренія солидной игры на гитарѣ, ставящій себя цѣлью новое изданіе неимѣю-

1) Пьесы эти были напечатаны въ журналѣ „Гитаристъ“, № 7, за 1904 г.

2) Нельзя того же сказать про отношеніе семиструнниковъ къ нѣмецкому журналу И. С. Г. „Gitarrefreund“ и къ самому союзу, исключительно служившему интересамъ 6-тиструнной гитары. Изъ 150 членовъ И. С. Г. всѣхъ странъ 50 членовъ было русскихъ гитаристовъ-семиструнниковъ.

щихся болѣе въ продажѣ хорошихъ сочиненій извѣстныхъ композиторовъ. При пересмотрѣ обширнаго каталога Гофмейстера, обширнаго и тѣмъ не менѣе неполнаго по части гитары, вы сами были изумлены, какое великое множество изъ приведенныхъ тамъ сочиненій исчезло безслѣдно; въ продажѣ ихъ давно уже нѣтъ и не будетъ, такъ какъ многія издательскія фирмы угасли. Какъ трудно добыть гитарныя ноты, видно изъ слѣдующаго: чтобы собрать полную коллекцію сочиненій безсмертнаго Сора, мнѣ пришлось хлопотать и переписываться не менѣе 15 лѣтъ; на спросъ сочиненій Маттеги недавно я чуть ли не въ десятый разъ получилъ отвѣтъ: „все распродано“, и т. д. Такое положеніе дѣла очень тягостно и ненормально; если кружку удастся спасти отъ исчезновенія хотя бы только часть всего окончательно распроданнаго, онъ окажетъ всеѣмъ гита-

ристамъ осязательную услугу. Праздниками я собирался въ Петербургъ, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія въ виду наступившихъ безпощадныхъ холодовъ и неустойчивости здоровья; сижу безвыходно дома.

Прибѣгаю къ вамъ съ великою просьбой: въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы упомянули о доставленныхъ вамъ 2 пьесахъ Коста: нельзя ли ими воспользоваться для копирования? У меня далеко не все сочиненія этого автора. Если только возможно доставить мнѣ эти двѣ вещи на короткое время, то буду вамъ безконечно благодаренъ.

Поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и отъ всей души желаю вамъ блестящаго успѣха въ вашихъ предпріятіяхъ и вообще всего наилучшаго.

Вашъ душевно преданный

Ю. Штокманъ.

Курскъ, 29-го декабря.

Списокъ сочиненій, поступившихъ въ редакцію журнала „Гитаристъ“ за время съ 1-го января по 1-ое марта 1906 г.

Отъ В. В. Сланскаго.

179. Два романа. 1. Однозвучно гремитъ колокольчикъ. Музыка Гурилева. 2. Я молодъ, другъ. Муз. Опшеля. Ар. В. Сланскій. (Рукопись.)
180. Дѣтскій альбомъ. Чайковскій оп. 39. № 7 „Похороны куклы“. № 24 „Въ церкви“. Ар. В. Сланскій. (Рукопись.)

Отъ В. М. Тимашева.

181. *Arion*. № 1 Maestoso aus Johann von Paris. № 2 Adagio. № 3 Adagio. № 4 Polonaise von Schneider. Тріо для флейты, скрипки и гитары. (Библ. рѣдкость. Рукопись.)

Отъ Н. И. Потанина.

182. *Sor* op. 41. Les deux amis (pour deux guitares).
183. *Carulli* op. 155. Andante varié et Rondo de Beethoven (pour deux guitares).
184. *Souvenir de Pologne*. Grand pot-pourri pour guitare ou piano et violoncelle, par J. Bobrowicz et J. Gross.
185. 3 Mélodies favorites. № 1 Der-

nière pensée de Weber pour guitare et piano, par Nüske. № 2 Tre Terzetui per Serenata a violino, viola e chitarra, composti da Diego de Araciel.

186. *Kammer*. Trois divertissements für Flöte, Violine (oder Viola) und Gitarre.
187. *Sérénade* pour violon et piano, composée par H. Neumann.
188. Pantomime, par J. Kuffner, op. 165 (pour deux guitares).
189. *Carulli* op. 115. Notturmo, D, für Violine und Gitarre.
190. *Fantaisie* pour violon et guitare. F. Carulli.

Отъ Н. И. Ромашкевича.

191. Duo facile. L. Call.
192. Sechs Ländler. E. Bayer.
193. Quatre valse par Beethoven.
194. Il Vacio. L. Arditi.
195. Sérénade favorite. F. Carulli.

Отъ Ю. И. Дьякова.

196. *Калиринскій*. Муз. М. И. Глинки (для двухъ гитаръ). Ар. Ю. И. Дьяковъ. (Рукопись.)

Для двухъ гитаръ.